

ВОЙНА ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

18+

Кирилл Грошев

Кирилл Грошев

Война после Победы

<https://litres.ru/74359318>

SelfPub; 2026

Аннотация

Послевоенный Кёнигсберг. Разрушенные городские кварталы ещё не успели до конца осознать, что война кончилась, и скрывают в себе разрозненные кучки тех, кто жаждет реванша и не признаёт Капитуляции.

Следователь НКВД старший лейтенант Ломов Кирилл берётся за расследование нападения на склад с провизией. Часовой убит профессиональным армейским хватом, а замок прожжён термитом.

Мог ли знать старлей, что это дело выведет на след полноценного мятежа на территории Кёнигсберга. Ему предстоит сделать всё возможное, чтобы спасти этот чужой, огрызающийся город от новой мясорубки и при этом остаться человеком. А возможно ли это вообще?..

Содержание

Глава 1. Термитный след	4
Глава 2. Чертежи мёртвого завода	15
Глава 3. Цена детской улыбки	26
Глава 4. Новый след	41
Глава 5. Тени Кройтор-штрассе	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Кирилл Грошев

Война после Победы

Глава 1. Термитный след

Октябрьский Кёнигсберг пахнул мокрой золой, речной гнилью и крошевом старого тевтонского кирпича. Над городом, цепляясь за шпили полуразрушенных кирх, висело глухое, свинцовое балтийское небо. Третий день подряд из него сыпалась мелкая, как пыль, ледяная изморось. Вода смешивалась с угольной гарью пожарищ, покрывая серые руины скользкой, маслянистой плёнкой. Изредка балтийский ветер швырял в разбитые проёмы окон пригоршни сухих листьев, смешанных со старыми немецкими газетами. Город лежал распластаный, раскрошенный тяжёлой артиллерией во время весеннего штурма. Лишь редкие сизые дымы над подвалами говорили о том, что в этих катакомбах ещё теплится какая-то суррогатная жизнь.

Старший лейтенант НКВД Кирилл Ломов шёл по разбитой брусчатке Понарта, глубоко засунув руки в карманы чёрного кожаного плаща, полы которого были забрызганы подсыхшей грязью, а воротник поднят до самых ушей. Сапоги мерно чавкали по жидкой глине, смешанной со стреляными гильзами и битым стеклом. Из правого кармана Кирилл до-

стал тяжёлую серебристую зажигалку с потёртой гравировкой на крышке. Он принялся монотонно перекатывать её в пальцах — раз за разом, не зажигая.

Эту зажигалку, трофейный немецкий «МСО-Triplex», Кириллу привёз старший брат с Курской дуги. Подарок дорогой, на боку виднелись глубокие царапины от осколков. Брат тогда выжил в танковом аду, прошёл ещё пол-Европы, но три месяца назад навсегда остался лежать в сырой земле под Будапештом. Теперь эта серебристая вещь была единственным, что связывало Кирилла с семьёй.

Ломов постоянно крутил её в руках в минуты тяжёлых раздумий — холодный металл и механические щелчки крышки помогали заземлиться. Они удерживали сознание от ухода в липкие, серые воспоминания и притупляли фантомную боль при резких движениях. Там, под левым ребром, багровел глубокий шрам от пули, полученной в сорок четвертом в тылу под Смоленском. Стрелял свой же полковник — тот самый, которого Кирилл вывел на чистую воду и который решил убрать дотошного следователя, прострелив дверь длинной очередью и задев Кирилла за левый бок. Ломов выжил, а над правым карманом его гимнастёрки с тех пор появилась узкая красная плашка — свидетельство полученного ранения.

У массивных железных ворот бывшего продуктового склада комендатуры, под вывеской «Kolonialwaren», топтались двое бойцов из патруля. Обмотки на их ногах промокли.

ли насквозь, винтовки Мосина висели за плечами стволами вниз. Завидев кожаный плащ Ломова, солдаты судорожно вытянулись в струну.

— Где он? — глухо, почти без эмоций спросил Кирилл. Взгляд его серых глаз казался абсолютно равнодушным, словно погасшим от всего увиденного за годы войны.

— Внутри, товарищ старший лейтенант, — испуганно доложил бледный ефрейтор, у которого от холода стучали зубы. — Мы оцепили... Полковник Дрёмов сказал по телефону, что это обычные мародёры из местных. Сказал, оформить быстро и сдать на расстрел.

Ломов не ответил. Нагнув голову, он шагнул под низкие своды тёмного складского помещения. Внутри пахло сыростью, разлитым подсолнечным маслом, прелой рогожей и солярккой. На земляном полу, среди разорванных джутовых мешков с мукой, лежал ничком молодой красноармеец в намокшей телогрейке. Вокруг его головы уже запеклась тёмная, почти чёрная лужа.

Кирилл спокойно опустился на одно колено прямо в грязную мучную жижу, не заботясь о подоле дорогого плаща. Наклоняясь, он почувствовал, как привычно потянул старый рубец в левом боку. Ломов аккуратно повернул за подбородок окоченевшую голову убитого часового, подставляя рану под тусклый свет из дверного проёма.

— Горло, — констатировал Ломов. Голос звучал ровно, как у патологоанатома. — Один удар. Сзади, чуть левее ка-

дыка. Узкое лезвие вошло снизу вверх, провернулось и перебило артерию. Он даже пикнуть не успел. Оружие?

— На месте, товарищ старший лейтенант, — ефрейтор заглянул внутрь, боязливо обходя тело. — Автомат при нем, диск полный, затвор закрыт. Из карманов документы не тронуты. Только склад... вон там, три мешка с сахаром уволокли, ящики с тушёнкой и галеты. Чисто мародёры пузо набить.

Ломов поднялся, достал из кармана серый платок и методично вытер испачканные в чужой крови пальцы.

— Местные голодные обыватели не режут часовых бесшумным армейским хватом, ефрейтор. Это почерк разведшколы.

Кирилл подошел к тяжёлым дубовым дверям, ведущим во внутреннее хранилище. На полу валялись массивные амбарные дужки замков толщиной с палец. Ломов присел около них, достал зажигалку брата и привычно чиркнул кремнем. Жёлтый огонёк выхватил края срезанных металлических дужек. Кирилл поднёс палец к самому срезу, на котором застыли пористые серые капли.

— Видишь эти наплывы и окарины? — Ломов посветил ярче. — Замки не пилили ножовкой. Их выжгли. Это термитный состав. Немецкий, порошковый, сильной концентрации. Такой был на снабжении только у сапёрных частей вермахта и штурмовых групп СС. Мародёры, говорите? Охрану склада утроить. Труп в морг комендатуры. Ничего

здесь больше не трогать.

Ломов резко повернулся и вышел на сырую улицу, пряча зажигалку в карман. Он прошёл три квартала сквозь лабиринт обрушившихся пятиэтажек кирпичного стиля, мимо обгорелых остовов немецких трамваев. На бывшей Коперникус-штрассе, в подвале полуразрушенного дома, где уцелел лишь кусок фасада с лепниной, горел тусклый свет. Над низким входом на одном гвозде качалась кривая деревянная табличка с надписью от руки: «Uhrmacher».

Кирилл пригнулся, толкнул хлипкую дверь и вошёл. Внутри было душно и тепло от раскалённой докрасна маленькой буржуйки, в которой трескали обломки довоенной мебели. По стенам на грубых полках тикали, хрипели, щёлкали и звенели десятки карманных, настольных и тяжёлых настенных часов с кукушками. За верстаком, под низко подвешенной керосиновой лампой, сидел худой старик в заштопанной шерстяной жилетке. К его правому глазу ремешком была прикручена часовая лупа.

— Guten Tag, Herr Lomov, — тихо, не поворачивая головы, произнёс старик. Его сухие, покрытые пигментными пятнами пальцы удерживали тонкий пинцет с поразительной точностью.

— Здравствуй, Ганс, — Ломов подошёл ближе. Он положил руку на край верстака, рядом с разобранным механизмом хронометра. — Поговорить надо. Час назад вскрыли склад в Понарте. Убили часового. Замки выжгли армейским

термитом. Унесли сахар и консервы.

Старик Ганс медленно отложил пинцет на чистую фланелевую тряпицу, снял лупу и посмотрел на Кирилла. Его глаза были подёрнуты тяжёлой, усталой пеленой.

— Термит? — старик хрипло закашлялся. — Это опасное вещество, обер-лейтенант. В Понарте перед капитуляцией стоял батальон фольксштурма, мальчишки и старики, но у них такого не было. Это инженеры. Пионеры седьмой танковой дивизии или... те, кто ушёл в катакомбы под Хабербергом после штурма.

Ганс тяжело вздохнул и потянулся к жестяной кружке с остывшим эрзац-чаем. Его руки заметно дрожали, когда он ставил посуду обратно на почерневший от копоти стол.

— Ночью, когда затихает ветер, я слышу, как в подвалах старого пивоваренного завода ходят люди. Много людей. У них тяжёлые армейские сапоги с железными подковами, Кирилл. Местные гражданские так не ходят. Местные крадутся, ища корку хлеба в помойках, они стучат деревянными колодками. А эти маршируют под землёй, даже когда пытаются скрываться. Вчера перед самым комендантским часом мимо моих окон прошёл человек в гражданском пальто, но из-под полы торчал край серо-зеленого сукна. И от него пахло гарью. Специфической гарью, Кирилл. Так пахнет, когда горит железо.

Ломов выпрямился, его плащ глухо зашуршал.

— Пивзавод «Понарт»? Это в пяти кварталах отсюда, за

линией железной дороги.

Ломов достал из кармана пачку папирос «Беломорканал» и положил её на край верстака рядом со старыми латунными шестерёнками.

— Держи. Спички есть?

Старик благодарно кивнул, быстро пряча пачку во внутренний карман жилета, словно боялся, что её отнимут.

— Данке, Кирилл. Будь осторожен. Те, кто сидит на заводе, не боятся смерти. Они боятся позора. А это делает людей безумными.

Ломов вернулся в комендатуру к полудню, когда солнце уже собиралось клониться к западу, и дождливый туман начинал расползаться по крышам разрушенных зданий. Воздух в Кёнигсберге в конце августа был особенным: в нём перемешивались запахи пыли, застоявшейся воды в воронках и далёкой морской соли. Кирилл шёл через двор быстро, на ходу чувствуя тяжесть кожаного плаща. Василькова фуражка сидела на голове ровно, чуть затеняя его серые, словно выцветшие глаза.

На крыльце сиротливо стояла девушка. В Кёнигсберге, где даже туман казался грязным, она выглядела пугающе чистой. Новенькая гимнастёрка, юбка и синий берет — всё на ней было слишком правильным для этих руин. Она зябко поводила плечами, пытаясь согреться под тонким сукном.

— Старший лейтенант Ломов? — она сделала шаг навстречу. Голос звонкий, не привыкший к тишине мёртвых

квартир. — Младший лейтенант Екатерина Знаменская. Прибыла в ваше распоряжение по приказу полковника Дрёмова.

Ломов остановился на нижней ступени. Он не стал козырять — просто посмотрел на неё своим тяжёлым взглядом. В правой руке привычно защёлкала серебристая зажигалка: щёлк-удар-щёлк.

— Опоздали, Знаменская, — бросил он и шагнул мимо неё в прохладу вестибюля.

— Но мне не сообщили точное время выезда! — Катя вспыхнула, её щеки моментально стали пунцовыми. Она бросилась за ним, каблуки гулко застучали по гранитной плитке коридора. — В канцелярии сказали, что это рядовое ограбление. Обычный налёт мародёров. Я готова приступить к работе с местным населением. У меня отличный балл по военно-специальному переводу...

Ломов не оборачивался. Он шёл так стремительно, что Кате приходилось почти бежать, чтобы не отстать от развевающихся полов его чёрного плаща. У двери с номером «14» он резко затормозил и нажал на ручку.

— Заходите.

Кабинет встретил их запахом холодного пепла и старых чернил. Ломов прошёл к столу, сбросил плащ на спинку стула и остался в одной гимнастёрке. Красная плашка над правым карманом тускло блеснула в сером свете окна. Он развернул на столе помятую карту района Понарт.

— Садитесь, Знаменская. Слушайте быстро. Повторять не буду.

Катя присела на самый край табурета, судорожно раскрывая планшет. Она пыталась поймать его взгляд, но старлей смотрел только на карту.

— Склад номер три, — Ломов ткнул пальцем в точку. — Часовой убит чисто. Одним ударом в основание черепа. Оружие не тронут, документы тоже. Дужки замков выжгли армейским термитом. Это не уголовники и не голодные беженцы, Знаменская. Это люди с серьёзной подготовкой.

— Но зачем им сахар и консервы? — Катя подняла на него глаза, в которых недоумение смешивалось с попыткой вспомнить учебник по контрразведке. — По инструкции, диверсионные акты направлены на узлы связи или склады боеприпасов...

— Забудьте про инструкции, — отрезал Ломов. — Им нужны базы длительного снабжения. Они собирают людей в подвалах и готовят автономные отряды. Если есть запасы — значит, они не собираются уходить. Значит, подполье организовано. Понятно?

Катя кивнула, быстро записывая что-то в блокнот.

— Теперь слушайте задачу: ваша цель — работа с трофейными документами пивзавода. Ищите фамилии тех, кто не явился на регистрацию после штурма.

Ломов набросил плащ и, не дожидаясь вопросов, вышел, направившись к кабинету Дрёмова.

Полковник сидел у себя, обложившись папками. В кабинете было накурено, окно приоткрыто, но в комнату затягивало лишь сырость и запах мокрого кирпича. Дрёмов даже не поднял головы, когда Ломов вошёл, продолжая размахисто подписывать бумаги.

— Разрешите? — Ломов замер в дверях.

Дрёмов медленно отложил ручку, дождался, пока она с тихим стуком замрёт на столе, и только после этого поднял тяжёлый взгляд на старлея. Между ними повисло молчание, плотное, как туман за окном. Полковник долго рассматривал васьковскую фуражку Ломова, словно видел её впервые.

— Заходи, Кирилл. Что там на складе? Опять мародёры? — голос Дрёмова был сухим.

— Нет, Виктор Андреевич. Там ребята с подготовкой постарались. Труп с чистым резом и термит на замках. Есть адрес — пивзавод «Понарт». Ганс подтвердил, там по ночам слышен топот кованых сапог.

Дрёмов откинулся на спинку стула. Его пальцы начали методично выстукивать какой-то сложный ритм по краю столешницы. Он не торопился отвечать, рассматривая Ломова так, словно тот был досадной помехой в его отчётах.

— Пивзавод — это лабиринт. Ты понимаешь, сколько там подвалов? — полковник сделал паузу, его взгляд на мгновение задержался на красной нашивке Ломова, но тут же скользнул выше. — У меня нет лишних людей, чтобы ты там в прятки играл. Мне нужны чистые улицы к приезду комис-

сии, а не твои «тени» в подвалах.

— Именно поэтому мне нужны люди сейчас, товарищ полковник, — голос Ломова стал суше, он не отвёл взгляда. — Хочу прощупать их логово, пока они пайки по норам растаскивают. Если спугнем сейчас — уйдут в коллекторы, до зимы не выкурим. Или вы предпочитаете дожидаться, пока они взорвут комендатуру этим самым термитом?

Дрёмов резко перестал стучать по столу. Его лицо окаменело. Он медленно открыл верхний ящик стола, достал пачку папирос и, не глядя на Ломова, закурил. Дым лениво поплыл в сырой воздух.

— Бери группу. Но предупреждаю: если это твои очередные фантазии про «масштабные заговоры» — лично отправлю тебя под трибунал. Мне нужны результаты, которые я смогу вписать в рапорт, а не твои лекции о диверсионной тактике.

— Сделаем, — Ломов коротко козырнул и вышел.

В коридоре он на ходу запахнул мокрый плащ. Впереди был «Понарт» — мёртвый завод, который начал подавать признаки жизни. Из правого кармана снова послышался сухой щелчок зажигалки. «Ну, поехали,» — сам себе сказал старлей и вышел во двор комендатуры.

Глава 2. Чертежи мёртвого завода

Ломов оставил Знаменскую в кабинете. Перед уходом он молча выложил перед ней стопку изъятых документов и списки персонала пивоваренного завода.

— Разбирайтесь, товарищ младший лейтенант. Ищите тех, кто числится живым, но не явился за пайковыми карточками. Это ваша работа, а не прогулки по руинам.

Катя хотела было возразить, напомнить про устав и необходимость её присутствия как переводчика, но Ломов уже набрасывал на плечи плащ. Спор был бесполезен.

Сам Кирилл, прихватив пятерых бойцов из комендантского взвода, уже через полчаса был у пролома в высокой стене завода «Понарт». Дождь усилился, превратившись в холодную, колючую морось, которая серым саваном укрыла готические корпуса. Ломов вытащил из кобуры ТТ, привычным жестом дослал патрон в патронник и аккуратно спустил курок на предохранительный взвод, придерживая его большим пальцем. Оружие легло в руку, готовое к выстрелу в одно движение.

— Идём аккуратно, — вполголоса скомандовал он бойцам. — Информатор слышал топот сапог где-то в районе главных солодовен. Оружие стволами вниз. Если увидите цель — огонь только по моей команде.

Они скользнули внутрь. Ноги разъезжались на мокрой,

покрытой мхом брусчатке. Пахло застарелой гарью и кислым суслом. Ломов бесшумно толкнул железную дверь в цокольном этаже. Вокруг петель виднелись свежие царапины — ржавчину кто-то недавно соскоблил, чтобы дверь не скрипела.

Внутри подвала пахло ледяным сквозняком и дешевым немецким табаком. Огромное помещение со столетними кирпичными сводами казалось бесконечным. Повсюду громоздились пустые чаны и ряды дубовых бочек.

— Смотрите под ноги, — едва слышно выдохнул Кирилл.

На толстом слое серой пыли отчётливо виднелись цепочки отпечатков. Ломов присел. Это были следы маршевых сапог вермахта, густо подбитых гвоздями. Наводка старика Ганса подтверждалась с каждым шагом.

Вдруг Ломов резко замер и вжался в нишу между двумя огромными бочками, подав знак бойцам рассредоточиться. Из-за поворота, отражаясь от низких сводов, донеслись шаги и приглушённый говор.

— ...быстрее, Отто. Нас ждут, — произнёс низкий голос. — Нужно перетащить ящики до темноты.

— Я устал, Фриц. Пайки урезали, — ответил совсем юношеский голос. — Вчера в Понарте наши взяли сахар, почему нам не дали?

Мимо них, в паре метров, прошли двое — рослый мужчина в гражданском пальто и худой мальчишка. Они с трудом толкали тележку, гружёную большими мешками и деревян-

ными ящиками. Ломов проводил их взглядом, не шелохнувшись. Он не стал их брать — ему нужно было логово.

Выждав минуту, группа Ломова двинулась вглубь подземелий, следуя за скрипом колес. Они вышли к небольшому промышленному помещению, переоборудованному в подобие временного лагеря. На грубо сколоченном столе среди пустых консервных банок коптила масляная лампа из гильзы. Людей внутри на мгновение не оказалось — немцы ушли разгружать тележку в соседний отсек.

Ломов стремительно подошёл к столу. Левой рукой он начал быстро перебирать лежавшие на нём бумаги, стараясь не шуметь. Среди накладных он вытащил помятый, испачканный в масле лист. Это была схема части оборонительных сооружений города. На ней карандашом был обведён один из объектов на окраине — старый форт №5 «Король Фридрих-Вильгельм III». Никаких имён или фамилий на листе не было, лишь лаконичная пометка на немецком: «Сбор здесь».

Ломов замер, вглядываясь в схему.

— Форт номер пять... — тихо повторил Кирилл. — Значит, лезут в старые казематы.

Вдруг из темноты коридора, ведущего к складам, донёсся резкий окрик на немецком:

— Hände hoch! Wer ist da?!

Ломов среагировал мгновенно, словно пружина. Он сунул бумагу за пазуху плаща и прыгнул за массивный фунда-

мент дизель-генератора. В ту же секунду подвал разорвала оглушительная очередь из МР-40. Пули запели, рикошета от кирпичных стен.

— Назад! К выходу! — рывкнул Ломов, взводя курок ТТ.

Первая пуля старлея ушла в темноту, заставив немецкого автоматчика пригнуться. Грохот очередей в замкнутом пространстве подвала стал невыносимым. Пыль, выбитая пулями из вековой кирпичной кладки, повисла в воздухе плотной серой взвесью, в которой вспышки выстрелов казались размытыми оранжевыми пятнами.

— Уходим! — перекрывая шум боя, рывкнул Ломов. — К выходу, живо!

Бойцы, слаженно огрызаясь короткими очередями из ППШ, начали пятиться к узкому коридору, ведущему к цокольной двери. Ломов остался у фундамента дизеля. Он прижался спиной к холодному бетону, чувствуя, как по полам его кожаного плаща хлещет каменная крошка. Выждав секунду, когда немецкий автоматчик на мгновение затих, чтобы сменить магазин, Кирилл высунулся и дважды нажал на спуск ТТ. Оглушительные хлопки пистолета на мгновение осадили немцев.

— Старлей, давай! — крикнул один из бойцов уже из дверного проема.

— Выходи! — Ломов не оборачивался. Он выстрелил ещё раз, целясь в сторону мерцающей масляной лампы. Та разлетелась брызгами, и дальний конец подвала погрузился в

густую, пахнущую гарью тьму.

Ломов отходил последним. Он двигался спиной вперёд, методично посылая пулю за пулей в темноту, не давая подпольщикам высунуться из-за бочек. Когда до двери оставалось три шага, он нащупал за пазухой смятую карту — она была на месте. Последним прыжком Кирилл вывалился наружу, в сырые сумерки Кёнигсберга, и с силой захлопнул тяжёлую железную дверь, задвинув массивный засов. С той стороны тут же глухо ударила очередь.

У ворот завода, не заглушая мотора, дрожала советская полуторка. Бойцы уже побросали тела в кузов и протягивали руки командиру. Ломов на ходу запрыгнул на подножку, а затем перевалился через борт. Водитель резко рванул с места, и грузовик, подпрыгивая на разбитой брусчатке, помчался прочь от красных стен «Понарта».

В кузове было тесно и пахло пороховой гарью. Солдаты, тяжело дыша, вытирали пот и копоть с лиц. Один из них, молодой парень с расцарапанной щекой, подвинулся, освобождая Ломову место на скамье.

— Товарищ старший лейтенант, — боец перехватил автомат и с благодарностью посмотрел на Кирилла. — Ну вы даёте... Если бы вы у этого движка не остались, нас бы там в коридоре как в тире положили. Спасибо, что прикрыли. Последним вышли.

Остальные согласно загудели, кто-то одобрительно хлопнул Ломова по плечу.

Кирилл сидел, прислонившись спиной к кабине. Лицо его оставалось неподвижным, словно высеченным из того самого серого камня, из которого состоял город. Он достал из кармана серебристую зажигалку и привычно щёлкнул крышкой. Щёлк-удар-щёлк.

— Служба такая, — сухо бросил он, даже не подняв глаз на бойца. — В следующий раз смотрите посторонам лучше, чтобы прикрывать не пришлось.

Он отвернулся к борту, глядя на проплывающие мимо обгорелые остовы домов. Разговор был окончен. Зажигалка в его пальцах продолжала свой мерный, успокаивающий ритм, а в голове уже прокручивались детали найденной схемы. Пятый форт. Цель была определена.

Ломов шел по коридору комендатуры, чувствуя, как влажная кожа плаща неприятно холодит плечи. Тяжёлые двери кабинета полковника Дрёмова были приоткрыты, и оттуда тянуло густым, почти осязаемым запахом табачного дыма.

Кирилл вошел без стука, лишь коротко обозначив присутствие кивком.

Дрёмов сидел за столом, заваленным рапортами. Перед ним стоял стакан крепкого чая в подстаканнике, а в пепельнице дымилась забытая папироса. Полковник не поднял глаз, продолжая что-то размашисто подчёркивать красным карандашом. Между ними повисло то самое молчание, которое Ломов знал слишком хорошо: Дрёмов показывал, кто здесь хозяин времени, а Ломов просто ждал, глядя в окно на

серую стену соседнего дома.

— Нашёл что-нибудь, кроме пыли и пустых бутылок? — наконец спросил Дрёмов, не глядя на старлея.

Ломов молча выложил на стол испачканный в масле лист со схемой форта.

— Пивзавод — не пустой. Там была группа, человек десять. Ушли через коллекторы, когда мы на них в темноте наткнулись. Это не мародёры, Виктор Андреевич. У них посты, связь и чёткие маршруты.

Дрёмов взял лист двумя пальцами, словно брезгуя, поднёс к лампе. Его лицо, иссечённое морщинами и выжженное войной, оставалось непроницаемым.

— Форт номер пять, — полковник криво усмехнулся. — Ты мне предлагаешь штурмовать казематы из-за клочка бумаги, который мог оставить любой дезертир? Знаешь, сколько у меня сейчас дел? В порту два судна с мукой разгружают, в центре тиф. Мне нужны живые рабочие руки, Ломов, а не твои игры в «охоту на призраков».

— Этот «дезертир» оставил часового на складе с перерезанным горлом, — сухо ответил Кирилл. — И термит на замках — не местное творчество. Если мы сейчас не проверим Пятый форт, через неделю этот «тиф» начнёт взрывать комендатуры.

Дрёмов наконец поднял взгляд. В нём читалось раздражение пополам с цинизмом человека, который давно перестал верить в идеалы.

— Ты всегда ищешь заговоры там, где просто грязь, Кирилл. Ладно. Бери своих людей. Но если вернёшься с пустыми руками — отчёты за месяц будешь писать сам, днём и ночью. Свободен.

Ломов коротко козырнул и вышел.

В своем кабинете он застал Знаменскую. Она сидела над его бумагами, аккуратно расправляя каждый листок. Увидев его, она быстро поднялась.

— Товарищ старший лейтенант, я просмотрела списки персонала «Понарта». Пятеро рабочих не отметились на комендантском пункте, хотя их дома уцелели. Это подозрительно. Нужно немедленно подать их в розыск, оповестить патрули...

Ломов прошёл к столу, забрал у неё списки и бросил их в ящик.

— Не нужно. Патрули здесь не помогут.

— Как это не помогут? — Знаменская нахмурилась, поправляя берет. — Есть же порядок. Мы должны действовать по закону, фиксировать каждое нарушение. Если мы будем игнорировать процедуры, чем мы будем лучше...

Ломов остановился у окна, глядя на то, как начавшийся дождь заливает внутренний двор.

— Порядок — это хорошо, — не оборачиваясь, произнёс он. — Но в этом городе закон сейчас пахнет гарью и порохом. Пока ваши патрули будут оформлять бумаги, те, кого вы ищете, уже уйдут в катакомбы или ещё куда подальше.

— Вы слишком циничны, Кирилл Дмитриевич, — тихо сказала Катя, подходя ближе. — Нельзя во всём видеть только угрозу. Люди здесь просто пытаются выжить. Даже те, кто прячется.

Ломов повернулся к ней. В его серых глазах на мгновение промелькнуло что-то похожее на горькую усмешку.

— Выжить хотят все, младший лейтенант. Вопрос только в том, какой ценой. Одни отдают последнее, а другие забирают жизни, чтобы набить склад сахаром.

— И вы решили, что имеете право судить их без суда? — Катя смотрела на него прямо, в её взгляде читалась та самая чистая, идеалистическая вера в правоту системы, которой у Ломова давно не осталось.

Кирилл ничего не ответил. Он просто достал из кармана зажигалку и привычно щёлкнул крышкой. Щёлк-удар-щёлк.

— Готовьтесь, — бросил он, надевая мокрый плащ. — Завтра едем к форту. Посмотрите на ваш «порядок» вблизи.

Ломов вернулся к себе поздно. Его «дом» в Кёнигсберге — это старая квартира в уцелевшем крыле небольшого дома, где всё ещё пахло чужой жизнью: пыльными порттьерами, сухими духами и воском. Кирилл не зажигал свет. В этом городе тьма была честнее.

Он подошел к окну и толкнул тяжёлую створку. В комнату тут же ворвался сырой воздух, пахнувший мокрым кирпичом и холодным августовским дождем. Ломов достал из кармана мятую пачку папирос, выудил одну и, привычно щёлкнув се-

ребристой зажигалкой, прикурил. Огонёк на мгновение выхватил его лицо — резкие скулы, глубокие тени под глазами и тот самый усталый, равнодушный взгляд, который так пугал Знаменскую.

Кирилл глубоко затаился, глядя на тёмные силуэты руин.

Младший лейтенант Знаменская. «Зелёная», как майская трава, и такая же упрямая. Она смотрелана него сегодня в кабинете так, словно он был не старшим офицером, а неисправным механизмом, который нужно починить с помощью устава. Чистая шинель, чистые мысли, вера в то, что мир можно расчертить по линейке.

Ломов выпустил струю дыма в дождливую ночь. Он вспомнил себя такого же — курсанта, который верил, что справедливость — это не пустой звук. А потом был Смоленск, выстрел в бок от своего же и осознание того, что на войне правда — это то, что помогает выжить твоим людям, а не то, что написано в рапорте.

«Что мне с тобой делать?» — подумал он, глядя на огонёк папиросы. Она лезла в самое пекло со своим «порядком», не понимая, что в Кёнигсберге порядок — это роскошь, которую они пока не могут себе позволить. Если он оставит её в кабинете — она утонет в бумажках и обидах. Если возьмёт завтра к форту — она может увидеть то, к чему её не готовили в спецшколе. Увидеть, как его «система» ломает людей, чтобы спасти тысячи других.

Кирилл коснулся пальцами шрама под левым ребром. Ра-

на заныла от сырости.

Он понимал, что её идеализм — это самое живое, что осталось в этом мёртвом городе. И меньше всего на свете он хотел быть тем, кто этот идеализм растопчет. Но завтра в Пятом форту будут не учебные стрельбы. Там будет реальный выезд. И чёрт его знает, как все сложится!

Ломов потушил папиросу о подоконник и закрыл окно. В пальцах снова защёлкала зажигалка.

Щёлк-удар-щёлк.

— Придётся тебе повзрослеть, Знаменская, — негромко произнёс он в пустоту комнаты. — Либо ты поймёшь этот город, либо он тебя сожрёт. А я не могу позволить ему тебя сожрать.

Он лёг на кровать прямо в гимнастёрке, закрыл глаза, но зажигалку из рук так и не выпустил. До рассвета оставалось всего несколько часов.

Глава 3. Цена детской улыбки

На следующее утро Кёнигсберг утонул в густом, как кисель, молочном тумане. Серая взвесь поглотила очертания руин, оставив лишь призрачные силуэты обгоревших стен и верхушки телеграфных столбов. Было прохладно, сырость липла к одежде, пробираясь под воротники.

Ломов вышел на крыльцо комендатуры, застёгивая на ходу свой неизменный кожаный плащ. Из-за тумана васильковая фуражка казалась почти чёрной. У края тротуара, недовольно фыркая выхлопом, замерла группа бойцов — те самые пятеро, что были с ним на заводе. Они уже забирались в кузов полуторки, подбрасывая на плечах автоматы.

Знаменская уже ждала у борта. Она зябко куталась в шинель, хотя на ней был летний комплект формы — берет и гимнастёрка. Лицо её в утренних сумерках казалось восковым.

— В кабину, Знаменская, — коротко бросил Ломов, открывая тяжёлую дверцу грузовика.

В кабине пахло бензином, промасленным железом и старой кожей. Двигатель надрывно взревел, и машина, тяжело переваливаясь на выбоинах, выехала со двора. Водитель молча крутил баранку, глядя в узкую полоску просвета в тумане. Кирилл сидел у окна, привычно достал зажигалку и принялся методично щёлкать крышкой. Щёлк-удар-щёлк.

— Слушайте внимательно, — заговорил он, не поворачивая головы к Кате. — Форт номер пять — это не склад. Там три метра бетона над головой и лабиринт внутри. Если начнётся заваруха, вы не геройствуете. Ваше место — за спинами бойцов.

— Я офицер, Кирилл Дмитриевич, — Катя упрямо вскинула подбородок, глядя перед собой. — Я проходила огневую подготовку. Я не собираюсь прятаться.

Ломов на мгновение перестал щёлкать зажигалкой и посмотрел на неё. В его серых глазах мелькнуло что-то похожее на раздражение, смешанное с усмешкой.

— Ваша «огневая подготовка» заканчивается там, где из темноты вылетает первая граната, — сухоотрезал он. — В казематах дистанция — пять метров. Там не целятся, там стреляют на звук. Если я скомандую «ложись» — вы падаете в ту же секунду, даже если под ногами битое стекло или нечистоты. Если я скажу «назад» — вы бежите к выходу, не оглядываясь и не спрашивая почему. Понятно?

Катя сжала пальцы на ремне планшета.

— Вы со мной разговариваете как с ребёнком.

— Я разговариваю с вами как с человеком, который хочет вернуться домой живым, — Ломов снова отвернулся к окну. — Немцы в фортах знают каждый угол. Они могут стоять в двух шагах за тонкой стеной и слушать ваше дыхание. Поэтому — молчать. Никаких каблуков, идти только на носках. И, ради всего святого, Знаменская... — он сделал паузу, —

не вздумайте вступать с ними в дискуссии о международном праве. Там нет людей. Там есть цели.

Машина резко подскочила на воронке, и Катю качнуло в сторону Ломова. Он даже не шелохнулся, лишь твёрдо держал её за плечо, помогая восстановить равновесие. Рука в кожаной перчатке была жёсткой и холодной.

— Мы едем туда не за правдой, — тихо добавил он, когда машина снова выровнялась. — Мы едем за информацией. И если для этого придётся сжечь этот форт до основания вместе со всеми, кто внутри — я это сделаю. Вы к этому готовы?

Знаменская промолчала. Она смотрела на свои чистые перчатки и слушала, как за окном кабины шелестит дождь, разбиваясь о лобовое стекло. Город за окном казался бесконечным кладбищем, и в этот момент идеалы из её учебников казались такими же хрупкими, как довоенный фарфор в руках мародёра.

Полуторка свернула с шоссе на разбитую грунтовку, ведущую к кольцу фортов. Впереди, сквозь клочья тумана, начали проступать серые бетонные глыбы Пятого форта, окружённого тёмной, неподвижной водой рва.

Полуторка затормозила перед массивным мостом, перекинутым через ров. Пятый форт «Король Фридрих-Вильгельм III» предстал перед ними в своём израненном величии: шестиугольная громада из тёмно-красного кирпича и бетона, испещрённая глубокими выбоинами от прямых попаданий тяжёлых снарядов. Вода в широком двадцатиметровом

рву была неподвижной и тёмной, отражая нависшее серое небо.

Бойцы слаженно попрыгали из кузова, их сапоги гулко ударились о разбитую брусчатку. Автоматы ППШ были наготове, взгляды методично ощупывали пустые амбразуры и заваленные обломками входы. Ломов спрыгнул с подножки, поправил васильковую фуражку и привычно защёлкал серебристой зажигалкой, всматриваясь в тёмные зрачки казематов.

Знаменская вышла из кабины молча. Она зябко запахла шинель: август выдался не по-летнему прохладным. Под шинелью угадывалась тёмно-синяя юбка и гимнастёрка с чистыми погонами младшего лейтенанта; берет того же цвета был плотно надвинут, скрывая светлые волосы. Она старалась держаться как можно ближе к Ломову, невольно подстраиваясь под его широкий шаг. Каждый звук — хруст битого кирпича под ногами, крик ворона над рвом — заставлял её вздрагивать и крепче сжимать планшет.

Ломов остановился у самого края моста, глядя на центральную потерну, уходящую вглубь форта.

— Рассредоточиться, — негромко приказал он бойцам. — Проверяем правое крыло. Идти тихо, смотреть в оба.

Катя перевела взгляд на Ломова. Его кожаный плащ, блестящий от мороси, казался ей в этот момент единственной опорой среди этой бетонной тишины, которая буквально давила на плечи.

— Не отставайте, Знаменская, — бросил он, даже не повернув головы. — И помните: здесь нет «бывших» врагов. Здесь есть только те, кто ещё не успел нажать на спуск.

Они двинулись вперёд, к чёрному зеву входа, оставляя позади серый туман и единственный путь к отступлению.

Группа Ломова углубилась в правое крыло форта. Здесь, под массивными сводами, туман сменялся густой, оседающей сыростью. Шаги бойцов тонули в мягком слое песка и бетонной крошки, нанесённой сюда десятилетиями. Единственным звуком был мерный, раздражающий всплеск падающих на холодный пол капель.

Катя шла за Ломовым, стараясь не смотреть по сторонам. Ей казалось, что из каждой тёмной амбразуры за ними наблюдают сотни глаз.

— Тишина какая-то... мертвая, — едва слышно прошептала она.

Ломов не ответил, лишь на мгновение замер, приподняв руку. Бойцы тут же рассредоточились, вжимаясь в ниши между казематами. Из-за массивного обломка стены, перегородившего коридор, донёсся отчетливый лязг металла о камень.

В десяти метрах от них, в слабом свете, пробивающемся сквозь пролом в своде, трое мужчин в гражданской одежде перетаскивали тяжёлый деревянный ящик. У одного за плечом болтался карабин «Маузер», двое других были вооружены пистолетами.

— Стоять! НКВД! — неожиданно для самой себя, сорвавшимся на фальцет голосом выкрикнула Катя, выходя из-за спины Ломова.

Мир мгновенно взорвался.

— Дура! — рывкнул Ломов, хватая её за воротник шинели и с силой дёргая назад, за выступ стены.

Немец с карабином среагировал быстрее молнии. Пуля со свистом выбила крошку прямо над головой Кати. Бойцы открыли ответный огонь, и коридор заполнился неистовым грохотом и пороховым дымом.

Ломов действовал так, словно этот хаос был его родной стихией. Он вынырнул из-за укрытия, его ТТ дважды сухо хлопнул. Первый немец, вскинувший пистолет, рухнул навзничь, даже не успев нажать на спуск. Второй, пытавшийся перезарядить карабин, получил пулю точно в переносицу. Его голова дёрнулась, и он тяжело осел на ящик, заливая его тёмной кровью.

На лице Ломова не дрогнул ни один мускул. Его взгляд оставался таким же усталым и равнодушным, словно он не людей убивал, а ставил отметки в скучном рапорте.

Третий подпольщик, бросив оружие, рванул вглубь тёмного туннеля. Он бежал зигзагами, петляя между колоннами. Ломов не стал догонять. Он медленно, почти лениво вытянул руку, замер на секунду, ловя цель, и нажал на крючок.

Выстрел. Немец вскрикнул, его нога подломилась, и он на полном ходу рухнул на бетон, проехав по нему лицом ещё

пару метров. Коридор огласил протяжный, захлебывающийся стон.

Знаменская стояла, прижавшись спиной к холодному кирпичу. Её трясло. Она видела всё: и пустые глаза убитого, и то, как Ломов, не торопясь, подошёл к раненому, на ходу пряча пистолет в кобуру.

Кирилл достал из кармана зажигалку. Щёлк-удар-щёлк.

— Я же сказал: молчать и не лезть вперёд, Знаменская, — произнес он, глядя на корчащегося у его ног человека. — Из-за вашего «порядка» мы сейчас чуть не получили пять похоронок.

Он повернулся к бойцам:

— Этого — перевязать. Будем колоть. Остальных — в ров.

Катя смотрела на его спокойный профиль и понимала, что тот «молодой курсант Ломов», которого она пыталась в нём разглядеть, сегодня умер в этом каземате окончательно. Или его там никогда и не было.

Кирилл подошёл к раненому, который полулежал, привалившись спиной к шершавому бетону. Пленник дышал часто и поверхностно, прижимая ладонь к окровавленной штанине. В полумраке каземата его лицо казалось белым, как мел.

Ломов присел на корточки, не обращая внимания на лужу воды под сапогами.

— Жить хочешь? — негромко спросил Ломов. В его голосе не было ни злобы, ни сочувствия — только сухая деловитость.

витость.

Немец оскалился, пытаясь изобразить стойкость, но в глазах застыл животный страх.

— Ich werde nichts sagen! — прохрипел он.

Ломов медленно протянул руку и с силой надавил пальцем прямо в центр свежей раны на бедре немца. Тот выгнулся дугой, захлебываясь в беззвучном крике. Бойцы НКВД, стоявшие в оцеплении, даже не шелохнулись. Кирилл смотрел пленнику прямо в зрачки, не ослабляя давления.

— Ты умрешь здесь, в этой сырости, — ровно продолжал Ломов. — Через час начнется заражение, через три — бред. Никто не придет. Твой «штаб» тебя уже списал. Либо ты даёшь мне имя, либо я просто уйду и закрываю эту дверь.

Он еще сильнее нажал на рану. Немец забился головой о стену, его лицо пошло пятнами.

— Stop! Stop... — заскулил он, глотая слезы. — Клаус... Клаус Вебер. Набережная, дом семь Квартира в подвале. Он знает... всё знает.

Ломов убрал руку и вытер пальцы о штанину пленного.

— Адрес, — бросил он через плечо.

Катя, стоявшая в паре шагов и старавшаяся не смотреть на окровавленную ногу, судорожно раскрыла планшет. Её пальцы дрожали, перелистывая вчерашние списки. Она быстро пробежала глазами по колонке не явившихся на регистрацию сотрудников пивзавода.

— Клаус Вебер... — голос её дрогнул, но тут же окреп.

— Кирилл Дмитриевич! Он есть в моем списке. Слесарь из цеха розлива. Вчера не явился за пайковыми карточками, и по адресу проживания его тоже не нашли. Набережная, семь. Это он.

Ломов поднялся, на ходу доставая зажигалку. Щёлк-удар-щёлк.

— Видите, Знаменская? — он посмотрел на неё сверху вниз, и в его взгляде на секунду промелькнула холодная усмешка. — Ваши бумажки наконец-то встретились с реальностью. Едем на набережную.

Он зашагал к выходу, не оглядываясь на раненого, которого бойцы уже подхватили под мышки. Катя поспешила следом, чувствуя, как внутри всё сжимается от осознания: следствие превращалось в охоту.

Ломов шёл впереди, не сбавляя темпа, несмотря на то что брусчатка набережной была скользкой от непрекращающейся мороси. Его чёрный кожаный плащ, потяжелевший от влаги, глухо хлопал по голенищам сапог. Знаменская едва поспевала за ним, стараясь не попадать в глубокие выбоины, заполненные мутной водой.

— Пешком быстрее, — бросил Ломов через плечо, когда они свернули во двор дома номер семь. — Машина здесь завязнет, только шум поднимем.

Дом на набережной когда-то был богатым, с лепниной и высокими окнами, но сейчас он стоял выбитыми зубами проёмов, глядя на Прегель пустыми глазницами. Нужный адрес

— квартира в цоколе — находился в самом конце тёмного, пахнущего сырой землей коридора.

Ломов остановился у двери, обитой рваным дерматином. Он не стал стучать. Достав ТТ, он мягко нажал на ручку, и дверь, не запертая, со скрипом поддалась.

— Вебер! — негромко, но стально произнес Кирилл, заходя внутрь.

В комнате было темно и пахло застоявшейся нищетой: кислым хлебом и немытыми телами. Единственное окно, выходявшее на уровень тротуара, было заложено кирпичами, и только тонкая щель сверху пропускала серый свет уходящего дня.

Ломов обвёл комнату стволом пистолета. Вместо кованых сапог диверсанта он увидел у стола женщину в сером, застиранном платье. Она вскочила, опрокинув стул, и прижала руки к груди. За её подолом пряталась девочка лет шести — пугающе худая, с огромными испуганными глазами на бледном, заострившемся лице. Её тонкие пальцы судорожно вцепились в материнскую юбку.

— Клауса нет! — выкрикнула женщина на немецком, пытаясь к стене. — Его нет уже три дня! Прошу вас, не стреляйте!

Знаменская, зашедшая следом, замерла у порога. Весь её боевой настрой, накопленный после перестрелки в форте, мгновенно испарился. Она смотрела не на женщину, а на ребенка, который вжимался в стену, пытаясь стать невидимым.

Ломов медленно опустил пистолет. Он не убрал его в кобуру, но ствол теперь смотрел в пол. Его серые глаза на мгновение задержались на лице девочки, и в них промелькнуло что-то, чего Катя ещё ни разу не видела за время их знакомства. Это не было равнодушием. Это была тихая, тяжелая боль.

— Спроси её, где муж, — сухо приказал Ломов, не поворачиваясь к Кате.

Знаменская шагнула вперед, стараясь сделать голос мягче:

— Wo ist Klaus Weber?

Женщина затрясла головой, по её щекам покатались слезы. Она начала сбивчиво объяснять, что Клаус ушел на работу и не вернулся, что они голодают, что у них забрали последние карточки...

Ломов не слушал перевод. Он смотрел, как девочка, не отрывая взгляда от его чёрного плаща, вдруг тихо всхлинула. В комнате повисла тяжёлая, липкая тишина, нарушаемая только шумом дождя за окном и прерывистым дыханием ребенка.

— Извините... — глухо, почти шёпотом произнёс Кирилл.

Это слово прозвучало так странно и неуместно из уст офицера НКВД, что Знаменская вздрогнула. Ломов неловко поправил васильковую фуражку, отвёл взгляд от ребенка и, резко развернувшись, вышел в тёмный коридор. Катя, бросив последний растерянный взгляд на женщину, поспешила

за ним.

На улице Ломов остановился у самой кромки тротуара, подставив лицо холодному дождю. Он тяжело дышал, глядя на мутные воды Прегеля.

— Знаменская, подождите здесь. Пару минут, — бросил он, не оборачиваясь.

Он зашагал вдоль набережной к ближайшему продуктовому магазину, над которым тускло горела единственная лампочка. Катя осталась стоять у входа в подъезд. Она видела, как он скрылся за дверью магазина, и как спустя десять минут вышел оттуда, неся в руках тяжёлую, плотно набитую брезентовую сумку. Вместо того чтобы подойти к ней, Ломов, пригнув голову от ветра, снова нырнул в тёмный зев подъезда.

Любопытство, смешанное с непонятным беспокойством, пересилило уставную дистанцию. Катя подождала несколько секунд и на цыпочках, стараясь не стучать каблуками по каменным ступеням, скользнула следом.

В коридоре цокольного этажа было темно. Она замерла у приоткрытой двери квартиры Веберов. Изнутри доносился тихий голос Ломова — сейчас он звучал совсем иначе, без той стальной хрипотцы, к которой она привыкла.

Заглянув в щель, Катя замерла. Ломов сидел на корточках перед маленькой девочкой, прямо на грязном полу, не заботясь о своем дорогом плаще. Он осторожно, словно боясь спугнуть птицу, вынимал из сумки сокровища: запеча-

танную пачку хрустящих галет, блестящую банку тушенки, тяжёлую буханку ещё пахнущего печью хлеба и маленький, бережно завёрнутый в газету кусок колотого сахара.

— На, маленькая... — тихо сказал он по-русски. Он взял её крошечную, холодную ладошку в свою огромную руку и аккуратно вложил в неё кусок сахара. — Ешь. Это сладко.

Девочка несмело лизнула сахар, и на её измождённом лице вдруг проступило подобие улыбки — слабой, почти призрачной. Ломов смотрел на неё, и его лицо, обычно неподвижное и холодное, как гранит, сейчас словно оттаяло. В уголке его глаз, в самых морщинках, Катя разглядела такую глубокую, невыносимую нежность и затаённую боль, что у неё самой перехватило дыхание.

Кирилл осторожно, едва касаясь, погладил ребёнка по светлым волосам. Девочка не отпрянула. Она вдруг сделала шаг вперед и на мгновение прижалась лбом к его плечу, пахнущему дождём и кожей. Ломов замер, боясь пошевелиться, и на секунду закрыл глаза. В этот миг он не был грозным чекистом, он был просто человеком, который среди руин и смерти нашёл крупицу жизни.

Кирилл резко поднялся, молча оставил сумку на столе и, не глядя на мать, быстро пошёл к выходу. Знаменская едва успела отпрянуть в тень ниши, прижавшись спиной к сырой стене. Она видела, как он прошёл мимо — его лицо снова стало каменным, взгляд — равнодушным, а в кармане плаща привычно и сухо защёлкала зажигалка. Щёлк-удар-щёлк. Но

теперь она знала, что прячется за этим звуком.

Ломов вышел из подъезда стремительно, на ходу запахивая плащ. Дождь всё так же настырно лупил по козырьку его фуражки, стекая струйками по чёрной коже плеч. Он остановился у края тротуара, глядя на серые, взбаламученные воды Прегеля, и на мгновение замер, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя.

Знаменская уже ждала его, стараясь придать лицу официальное и невозмутимое выражение. Но дыхание её все ещё было чуть сбитым, а на щеках горел лихорадочный румянец, который никак не спишешь на прохладный август.

Кирилл повернулся к ней не сразу. Он достал зажигалку, и над пустой набережной снова раздался этот сухой, мерный звук: щёлк-удар-щёлк.

— Знаменская, — негромко позвал он, не глядя на нее. — Вы вчера внимательно читали списки. Где, говорите, числится этот Клаус Вебер?

Катя сглотнула, поправляя ремень планшета.

— Слесарь в цехе розлива, Кирилл Дмитриевич. Корпус «Б», второй пролёт.

— Пошли, — бросил он и зашагал вдоль парапета.

Они прошли метров двадцать в полном молчании. Ломов шёл чуть впереди, и Катя видела только его прямую спину. Вдруг он замедлил шаг и, не оборачиваясь, произнёс:

— Знаете, младший лейтенант, в нашей работе есть одна важная деталь. В пустых коридорах эхо очень коварное.

Слышно даже то, что человек хочет оставить при себе. Хруст крошки под каблуком, шелест шинели...

Катя похолодела. Она почувствовала, как воротник гимнастерки стал тесным. Ломов остановился и теперь смотрел прямо на неё — спокойно, почти равнодушно, но в уголках его серых глаз затаилась какая-то странная, горькая пронизательность.

— Иногда лучше просто спросить, — добавил он, и в его голосе на секунду промелькнула та самая мягкость, которую она только что слышала в подвале. — Скрытность хороша в форту, а здесь... здесь мы на одной стороне.

Он снова щёлкнул зажигалкой и кивнул в сторону возвышающихся вдалеке труб пивзавода.

— Цех розлива, значит? Идёмте. Посмотрим, что ваш слесарь оставил на рабочем месте, кроме пустых бутылок.

Ломов прибавил шаг, и Катя, не зная, что ответить, поспешила следом. Она поняла: он знает всё. Но ещё больше её поразило то, что он не стал её отчитывать. В этом молчаливом признании было доверия больше, чем в любом уставном приказе.

Глава 4. Новый след

Дождь на улице сменился липким туманом, который просачивался даже сквозь щели массивных ворот пивоваренного завода «Brauer». Ломов и Знаменская шли по территории предприятия пешком. Гулкие шаги по бетонному полу цеха разлива отражались от высоких сводов, превращаясь в тревожный, множась роко́т. Здесь пахло битым стеклом, застарелыми дрожжами и тяжёлым машинным маслом.

— Второй пролёт, — вполголоса напомнила Катя, сверяясь со схемой. — Справа, за конвейерной лентой.

Ломов не ответил. Он шёл чуть впереди, его чёрный плащ, влажный от мороси, казался в полумраке цеха тяжёлой бронёй. Правую руку Кирилл держал в кармане, где привычно и почти беззвучно перекачивалась зажигалка.

Они завернули за штабель пустых деревянных ящиков и замерли. У металлического верстака, заваленного гаечными ключами и обрывками ветоши, копошился человек. Это был мужчина лет сорока, в засаленной рабочей робе. Он действовал лихорадочно: одной рукой отбрасывал инструменты, другой шарил в глубокой нише под столешницей. Его дыхание — тяжёлое, с хрипом — было слышно даже за несколько метров.

— Клаус Вебер? — негромко позвал Ломов.

Мужчина вздрогнул так, словно в него выстрелили. Он

резко обернулся, и Катя увидела его лицо — серое, с глубоко запавшими глазами, в которых плескался животный, запретный ужас. Поняв, что перед ним офицеры НКВД, Вебер не стал просить пощады. Он мгновенно выхватил из-за пояса длинный, заточенный слесарный нож.

— Ihr Wichser! — взвизгнул он и, не раздумывая, бросился на ближайшую цель — на Знаменскую.

Катя даже не успела выхватить наган из кобуры. Она лишь инстинктивно вскинула руки, закрываясь от блеснувшего лезвия. Но удара не последовало.

Ломов среагировал быстрее. В один смазанный рывок он оказался рядом, перехватывая занесенную руку Вебера за запястье. Резкий рывок в сторону — и Катю просто отбросило плечом Кирилла, уводя с линии атаки.

Вебер оказался неожиданно силён — отчаяние придавало ему мощи. Немцу удалось вырвать руку и ударить Ломова локтем в челюсть, но старлей всё равно не потерял равновесие. Кирилл подсёк Вебера под опорную ногу, одновременно проводя жёсткий захват за шею. Они повалились на бетонный пол, поднимая облако цементной пыли.

Ломов действовал методично. Он коротким, точным ударом в челюсть оглушил слесаря, а затем, вывернув ему руку так, что хрустнул сустав, выбил нож. Металл со звоном отлетел под конвейер.

Через секунду Вебер уже лежал лицом в пол, а колено Ломова намертво придавило его поясницу к бетону. Кирилл,

тяжело дыша, достал наручники и с сухим щелчком защёлкнул их на запястьях немца.

— Лежать, — выдохнул Ломов.

Катя стояла у верстака, прижимая ладонь к груди. Сердце колотилось так, что отдавалось в висках. Она смотрела на Ломова — его васильковая фуражка слетела во время драки, волосы были взъерошены, на скуле наливался багровый след от удара, но взгляд оставался таким же холодным и сосредоточенным.

Кирилл поднялся, подобрал фуражку и отряхнул плащ. Затем он посмотрел на Катю — коротко, проверяя, цела ли она, — и перевёл взгляд на Вебера, который тихо скулил, уткнувшись лбом в холодный бетон.

— Живой? — спросил Ломов у немца, игнорируя Знаменскую.

Вебер не ответил, только затрясся мелкой дрожью. Ломов подошёл к верстаку и заглянул в ту самую нишу, где слесарь что-то искал. Достав оттуда небольшой железный пенал — тубус размером с авторучку, — Кирилл открыл его. Внутри лежал свёрнутый в тугую трубку лист тонкой папиросной бумаги. Ломов развернул его. Это была классическая шифровка — ровные столбцы пятизначных цифровых и буквенных групп, напечатанные на машинке. Каждая группа символов казалась бессмысленным набором знаков, но за ними стоял приказ, ради которого этот человек готов был убить.

— Значит, вот за чем ты вернулся, — негромко произнёс

Ломов.

Он повернулся к Кате. Та уже справилась с первым шоком и теперь смотрела на арестованного с той же смесью жалости и тревоги, что и в квартире на набережной.

— Оформите задержание, младший лейтенант, — сухо приказал Ломов, пряча пенал во внутренний карман. В другой руке уже привычно защёлкала зажигалка. Щёлк-удар-щёлк. — Эту бумажку нужно показать спецам. Кажется, ваш «простенький слесарь» только что подтвердил — в городе готовится не просто мятеж, а целая война.

Ломов подошёл к окну и посмотрел на серые трубы завода, кутающиеся в тумане.

Подвал комендатуры встретил их запахом сырой извести и застоявшейся воды. Здесь, вдали от уличного шума, тишина казалась физически ощутимой, нарушаемой лишь мерным падением капель где-то в конце коридора.

Вебер сидел на табурете, привинченном к полу. Лампа без абажура, свисающая с потолка, била ему прямо в глаза, превращая лицо в застывшую маску из пота и серой пыли. Ломов стоял напротив, не снимая плаща. Он медленно достал из внутреннего кармана изъятый пенал, вытряхнул на ладонь полоску папиросной бумаги и положил её на стол под свет лампы.

— Объясняй, — негромко произнёс Кирилл.

Вебер дёрнулся, наручники на его запястьях противно звякнули.

— Я не знаю... Я клянусь, господин офицер. Я просто слесарь.

Ломов молча достал зажигалку. Щёлк-удар-щёлк. Огонёк заплясал в его глазах, делая их абсолютно бесцветными. Он поднёс пламя к самому краю шифровки.

— Эта бумажка — твоя жизнь, Клаус. Если она сгорит, ты станешь мне бесполезен. А бесполезных людей в Кёнигсберге сейчас не кормят. Их просто вычёркивают из списков.

— Я только передатчик! — сорвался на крик Вебер, подаваясь вперёд. — Клянусь! Мне платят сахаром и тушёнкой. Я забираю пенал в цеху и отношу его... я даже не знаю, что там внутри!

Знаменская, стоявшая у двери с блокнотом, почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она видела, как Ломов медленно сокращает дистанцию, как он нависает над немцем, словно хищная птица. Его спокойствие пугало её больше, чем если бы он кричал. «Это же просто запуганный человек, — думала Катя, сжимая карандаш так, что тот едва не хрустнул. — У него там дочь голодает, а Ломов давит на него, как на матёрого шпиона». Ей хотелось вмешаться, остановить это холодное психологическое насилие, но она лишь плотнее сжала губы. Устав требовал подчинения старшему группы, но внутри неё всё кричало о несправедливости.

Ломов вдруг убрал зажигалку и схватил Вебера за подбородок, заставляя смотреть себе в глаза.

— Кому ты относишь пеналы, Клаус? Адрес. Сейчас. Или

я прикажу привести сюда твою жену как соучастницу.

Вебер всхлипнул. Слом произошёл мгновенно — упоминание семьи выбило из него последние остатки воли.

— Кройтор-штрассе, двенадцать... — прошептал он, роняя голову на грудь. — Овощная лавка в подвале. Старик по имени Курт. Я оставляю пенал в пустом ящике из-под моркови. Всё... это всё, что я знаю.

Ломов выпрямился и брезгливо вытер руку платком. Он повернулся к Знаменской.

— Записали, младший лейтенант?

После допроса Кирилл поднялся на второй этаж, в свой кабинет, и, не зажигая света, тяжело опустился в обшарпанное кожаное кресло. За окном Кёнигсберг растворялся в непроглядной, сырой тьме. Лишь редкие огни патрульных фонарей выхватывали из небытия скелеты зданий и блестящую от дождя брусчатку. Ломов достал папиросу, чиркнул серебристой зажигалкой — резкий щелчок на мгновение вспорол тишину — и глубоко затянулся. Огонек тлел в темноте, как единственный крошечный маяк.

Дверь приоткрылась без стука. В полоске света из коридора возник силуэт Знаменской. Она помедлила, затем вошла и плотно закрыла дверь, оставив их в полумраке.

— Товарищ старший лейтенант, вы не сдали протокол допроса в канцелярию, — голос её звучал официально, но в нем слышалась натянутая струна. — Сроки поджимают, Дрёмов будет недоволен.

Ломов не повернул головы. Он выпустил струю дыма в холодное стекло.

— Протокол подождёт, Знаменская. Садитесь, если ноги не держат.

Катя не села. Она подошла ближе, остановившись у края стола.

— Почему вы так с ним?.. — она запнулась, подбирая слова. — С Вебером. Вы давили на него семьёй. Это... это не по-человечески, Кирилл Дмитриевич. Мы же не каратели.

— Человечность — дорогая штука, Катя, — Ломов наконец посмотрел на неё. В темноте его глаза казались двумя провалами. — В форте сегодня могло лечь пять наших парней. Из-за того, что кто-то «по-человечески» не доглядел. Если завтра этот шифр приведёт к взрыву комендатуры, ваши идеалы никого не воскресят.

Знаменская молчала, глядя на тлеющий огонёк его папиросы. Затем тихо, почти не слышно спросила:

— А та сумка с продуктами? В квартире на набережной? Это тоже была часть вашей «системы»?

Ломов вздрогнул. Он медленно стряхнул пепел в жестяную банку.

— Вы слишком любопытны для младшего лейтенанта.

— Я видела, как вы смотрели на ту девочку, — Катя сделала шаг к нему, и теперь её голос стал мягче, без уставной стали. — Вы же не машина, Кирилл. Зачем вы так старательно притворяетесь куском гранита?

Ломов горько усмехнулся и снова затаился.

— В сорок четвёртом под Смоленском я тоже верил, что мир честен. Пока полковник, которому я доверял как отцу, не всадил мне пулю в бок просто за то, что я нашёл его грязные счета. Тогда я понял: мир не чёрный и не белый. Он серый, как этот чёртов город. В нем можно быть либо молотом, либо наковальней.

— Но дети... — Катя коснулась спинки кресла.

— Дети не виноваты в том, что мир серый. Дети — это единственное, ради чего стоит этот молот держать, — Ломов затушил папиросу и поднялся. — Чтобы они никогда не узнали, как пахнет термит и как звучит выстрел в спину. Даже если для этого мне придется стать последней сволочью в ваших глазах.

Он подошёл к вешалке и сорвал плащ.

— Идите спать, Знаменская. Завтра на Кройтор-штрассе нам понадобятся холодные головы. А протокол... протокол я допишу. Завтра.

Он вышел, оставив в кабинете запах табака и тяжёлое, невысказанное понимание того, что за его цинизмом скрывается шрам гораздо более глубокий, чем тот, что оставила пуля полковника.

Катя стояла в пустом коридоре, прислонившись затылком к холодной побелке стены. В носу все ещё стоял резкий запах дешёвого табака и мокрой кожи, а перед глазами — огонёк его зажигалки, мерно вспыхивающий в темноте.

«Дети — это единственное, ради чего стоит этот молот держать», — пронеслось у нее в голове.

Она посмотрела на свои руки. Пальцы все ещё подрагивали. Весь её аккуратный, книжный мир, где злодеи всегда были за решёткой, а герои — безупречны, трещал по швам. Ломов не был героем из её учебников, но и «машиной» он больше не казался. За его сухими приказами и пугающей жестокостью внезапно открылась бездна, в которой жили и та девочка с куском сахара, и пуля в боку от своего же командира.

Она вспомнила, как он погладил ребёнка по волосам — той самой рукой, которая два часа назад ломала сустав Веберу. От этого контраста становилось почти физически больно.

Катя глубоко вздохнула, поправила берет и выпрямилась. Ей было страшно, но теперь это был не тот детский страх перед неизвестным. Это было тяжёлое предчувствие взросления. Она поняла: завтра на Кройтор-штрассе ей придется не просто переводить слова, а учиться видеть правду там, где Ломов её уже давно нашел — в серой пыли этого проклятого города.

Глава 5. Тени Кройтор-штрассе

Утро наступило серое, тяжёлое, словно город не хотел просыпаться от своего бесконечного послевоенного кошмара. Кёнигсберг в августе 1945 года представлял собой лабиринт из битого кирпича и оплавленных скелетов зданий, где редкие уцелевшие фрагменты готической лепнины соседствовали с грудami щебня и остовами брошенной немецкой техники.

Ломов решил не брать группу. На Кройтор-штрассе, к той самой овощной лавке, они поехали вдвоём со Знаменской. Кирилл вывел из гаража комендатуры «Опель Капитан» 1938 года выпуска— трофейный, чёрный, с характерными обтекаемыми формами и шестицилиндровым рядным двигателем. Машина урчала ровно, проглатывая неровности разбитой брусчатки.

В салоне «Опеля», рассчитанном на шестерых, вдвоём было просторно и неудобно. Ломов уверенно крутил баранку, глядя сквозь узкое лобовое стекло на проплывающие мимо руины. Его васьковская фуражка с краповым околышем лежала на соседнем сиденье.

Катя сидела сзади и что-то очень увлечённо искала в планшете.

— А почему без бойцов, Кирилл Дмитриевич? — вдруг тихо спросила она, отрываясь от своего занятия, когда

«Опель» свернул на Кройтор-штрассе. — Это же риск.

Ломов не ответил сразу. Он перекатывал в пальцах левой руки свою серебристую зажигалку, не сводя глаз с дороги.

— Овощная лавка — это не укрепрайон, Знаменская. Нам нужен Курт, а не перестрелка на всю улицу. Если там сидит резидент, он учует полуторку с солдатами за три квартала. А чёрный «Опель»... в этом городе на таких ездят либо они, либо мы.

Кройтор-штрассе была завалена мусором, но проезд оставался. Ломов вёл машину уверенно, но медленно. «Опель» мягко перекатывался через наносы серой пыли и битого кирпича. Район, когда-то плотно застроенный добротными четырёхэтажными домами с островерхими крышами, теперь напоминал выбеленный временем скелет. Остовы зданий тянулись вверх обгорелыми ребрами стропил, а из пустых оконных глазниц свисали клочья обоев и обрывки штор, колыхающиеся на сыром ветру.

Здесь не было того оживления, что в центре у комендатуры. Улицы казались вымершими. Лишь изредка из глубоких подвальных проёмов доносился запах прелой соломы или кислый дым от костров, на которых редкие обитатели руин кипятили воду. Дождь превратил дорожную пыль в вязкую кашу, в которой тонули редкие следы тележек. Кройтор-штрассе словно застыла в ожидании чего-то неизбежного, и этот чёрный «Опель», крадущийся вдоль парапетов, выглядел здесь как вестник другой, суровой и опасной реаль-

ности.

— Слушайте внимательно, — Ломов повернулся к Знаменской, и его серые глаза стали острыми. — Входите первой. Вы — офицер комендатуры, проверяете учётные карточки. Ваша задача — отвлечь его. Я найду следом. Оружие на взвод не ставить, просто держите руку на кобуре.

Катя кивнула, чувствуя, как внутри всё сжимается от холодного, липкого страха. Она понимала, что «проверка карточек» — это лишь повод, и что старик Курт может оказаться совсем не тем беззащитным лавочником, каким его описывал Вебер.

— Приехали, — негромко сказал Ломов, останавливая машину напротив дома номер двенадцать. — Выходим.

Они покинули салон, и тяжёлый запах мокрого камня тут же ударил в нос. Катя зябко поправила берет, стараясь не смотреть на чёрные провалы окон над головой. Ломов набросил плащ, скрывая гимнастёрку.

— Помните, что я сказал в машине, — бросил он, кивком указывая на ступени, ведущие в полуподвал. — Начинайте. Я за спиной.

Знаменская глубоко вдохнула, нащупала под шинелью рукоять нагана и первой шагнула в сырую темноту овощной лавки.

Внутри было темно и прохладно. Пахло землёй, гнилым картофелем и пылью. Единственным источником света была тусклая керосиновая лампа, стоявшая на прилавке из

неструганных досок.

За прилавком, сгорбившись, сидел старик в поношенном шерстяном кардигане. Он медленно перетирал тряпкой вялую морковь, не поднимая головы.

— Guten Tag, — голос Кати прозвучал неожиданно твердо, хотя внутри всё дрожало. Она шагнула к прилавку, раскрывая планшет. — Комендатура Кёнигсберга. Проверка учётных карточек и разрешений на торговлю.

Старик медленно поднял голову. Его лицо, изборождённое глубокими морщинами, в свете лампы казалось вырезанным из старого дерева. Маленькие, цепкие глаза быстро скользнули по Кате, по её новеньким погонам, и тут же метнулись к двери за её спиной.

В этот момент в проёме возник Ломов. Его кожаный плащ блестел от влаги, а васильковая фуражка почти касалась низкого свода. Он ничего не говорил, просто стоял, засунув руки в карманы, и звук его зажигалки в тишине подвала прозвучал как взвод затвора.

— Ваши документы, господин... Курт? — Катя постаралась, чтобы её голос не дрогнул.

Старик Курт на мгновение замер, его пальцы, сжимавшие морковь, побелели. Он медленно отложил овощ в сторону и потянулся рукой куда-то под прилавок.

— Не стоит, Курт, — негромко произнёс Ломов на чистом немецком, делая шаг вперёд. — Если там не паспорт, мы закончим разговор прямо сейчас.

Катя почувствовала, как воздух в лавке стал густым и липким. Старик замер, глядя на Ломова с ненавистью, которую невозможно было скрыть за маской дряхлого торговца. Напряжение в подвале достигло предела.

— Я просто искал бумаги, господин офицер, — хрипло проскрипел Курт, медленно выкладывая на доски засаленную книжку. — Мы мирные люди. Мы просто торгуем овощами.

Ломов подошел к прилавку, взял документы и, даже не открывая их, посмотрел Курту прямо в зрачки.

— Овощами, значит? — Кирилл снова щёлкнул зажигалкой, освещая пространство под прилавком. — А штрафы с шифровками у вас вместо редиски или вместо капусты?

Лицо Курта дёрнулось. Он понял, что Вебер заговорил.

— Что Вы хотите услышать от больного дряхлого старика? — с усталой грустью спросил Курт

Старлей подошёл к прилавку, встав рядом с Катей, и достал из кармана маленькую бумажку с переписанным сообщением с шифровки.

— Читайте, Курт, — голос Кирилла был сух. — И не вздумайте хитрить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.